

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2025.3.1

Тенденции неформального движения молодежи

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья является републикацией части главы книги «Молодежь и молодежная политика» (М. : Голос, 2001) известного социального философа, исследователя проблем молодежи, президента Московского гуманитарного университета И. М. Ильинского. В статье осуществлен анализ такого феномена конца 1980-х гг., как рост неформальных молодежных объединений в СССР. Автор исследует его причины, а также размышляет о том, с позиций какого идеологического подхода следует рассматривать данное явление. Позиция И. М. Ильинского состоит в том, что из имеющихся подходов (либерального, административно-репрессивного и демократического) наибольшим потенциалом в плане позитивного общественного развития является демократический, который основан на гибких методах управления общественными процессами, позволяя таким образом усиливать позитивные и сглаживать негативные стороны тех или иных общественных явлений. Этот подход, по мнению Ильинского, следует распространить и на другие стороны общественной жизни (экономику, политику, социальные отношения). Актуальность этих идей несомненна в условиях новых форм унификации и (нередко) чрезмерной централизации общественной жизни в современной России, а также в связи с особым вниманием, которое уделяется сегодня воспитанию (в том числе патриотическому) молодежи.

Ключевые слова: Россия; СССР; молодежь; гражданское общество; неформальные объединения

ВВЕДЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НОВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУПП

Мне хочется порассуждать о тех молодежных группах, которые находятся «сбоку», в стороне от органов общественной и государственной политической жизни.

Что же нового появилось в движении «неформалов» сегодня?

Во-первых, с середины 1970-х гг. увеличивается численность участников отдельных движений. Точных данных никто не имеет. В настоящий момент в прессе циркулирует цифра 60 тыс. групп. Социологические исследования Научно-исследовательского центра Московского гуманитарного университета дают различные итоги. Но ни разу по самооценке опрошенной молодежи цифра не опускалась ниже 18%. Говорится, что в целом «в самостоятельные инициативы так или иначе вовлечено 7–8% городского населения старше 14 лет» (Коммунист, 1988: 99). Данные

Института социологических исследований говорят о том, что активные участники неформальных групп составляют 10–13% от общего числа молодежи европейской части СССР, а число их сторонников (т. е. тех, кто принимает в них участие нерегулярно, от случая к случаю) достигает 50% (Аргументы и факты, 1988).

По данным нашего Центра, в настоящее время в их состав входит 60% опрошенных представителей всех категорий молодежи. В Москве, например, 89,4% учащихся ПТУ, 71,4% студентов, 71,7% школьников, 65,1% молодых рабочих, 62,7% молодых инженерно-технических работников занимаются интересующим их делом в самостоятельных объединениях вне клубов и домов культуры. Большинство (от 60 до 70%) членов этих молодежных групп и объединений — комсомольцы, 7–8% — коммунисты.

Деятельность абсолютного большинства самостоятельных объединений осуществляется в рамках правовых и моральных норм. Лишь для 6–9% таких групп характерны асоциальные проявления.

Как бы там ни было, все это значит, что в данном движении участвуют сотни тысяч и миллионы людей. Уже это требует внимательного к нему отношения.

Во-вторых, спектр интересов стихийных групп, любительских объединений стал намного богаче. Если 15–20 лет назад он сводился к 10–20 наименованиям, то сегодня речь идет о многих десятках (различные исследования называют от 70 до 200). Наибольшее число молодых людей входят в группы, увлекающиеся различными направлениями современной музыки, современными танцами, просмотром видеозаписей, техническим творчеством, защитой окружающей среды, физкультурно-спортивной деятельностью, техническим творчеством, охраной памятников истории и культуры, коллекционированием, в группы поклонников эстрадных «звезд» и т. д.

Характерным явлением сегодняшнего дня является сравнительно широкое распространение, особенно в крупных городах, ряда групп со специфическими стереотипами сознания и нормами поведения. Среди них группы, предпочитающие жить сегодняшним днем, приверженцы различных философских (особенно восточных) учений или просто «красивой жизни» («хайлафизм»), ратующие за определенные изменения в обществе («пацифисты», «наци», «коммунары» и др.); стремящиеся к достижению духовного или физического совершенства через нетрадиционные для нас формы — «хиппи», «люберы», боевые секты, религиозные группы.

В конце 70-х и начале 80-х гг. по стране покати́лась волна создания рок-групп. Только в Москве два года назад их было более ста. Но они находились «в подполье». Издавали пять «подпольных» журналов. Пели немало песен сомнительного, порой откровенно антисоветского содержания. Давали концерты на квартирах и дачах, незаконно собирая немалые деньги. Куртки с застёжками «молния», цепи, огромные булавки, браслеты с заклепками, а то и шипами, вздыбленные волосы, подкрашенные брови и глаза... Что-то совсем невиданное у нас.

Может, это и привлекло к ним особое внимание, поскольку уровень музыкальной и исполнительской культуры многих из них, как выяснилось с выходом из «подполья», был ниже порога критики.

Как бы то ни было, но родилось движение поклонников рок-музыки, которая теперь вышла из «подполья» и потоком льется из эфира, то раздражая, вызывая бешенство, а то — изумление и восхищение слушателей. В октябре 1987 г. в Сверд-

ловске состоялся семинар Свердловского областного клуба рок-музыки, на котором присутствовали руководители рок-клубов 20 крупнейших городов страны. Фактически это была всесоюзная учредительная конференция рок-клубов, которая приняла решение создать федерацию таких клубов.

Однако неформальное движение не является собранием юношей и девушек, одержимых лишь проблемами рок-ансамблей, любовью к «звездам» эстрады и кино, болением за «свою» футбольную или хоккейную команду и т. д. В этом движении весьма сильным является **политическое крыло**.

В августе 1987 г. в Москве состоялась встреча-диалог неформальных объединений. В ней участвовали 300 человек — представители 53 клубов из 12 городов страны. Совсем недавно появилось движение «афганцев», которое объединяет, однако, не только воинов, прошедших службу в Афганистане, но также бывших пограничников, десантников, просто бывших солдат и офицеров, у которых высоко развито чувство социальной справедливости, чести, долга. «Афганцы» не только передают свои воинские навыки подросткам, они самостоятельно следят за порядком. И не только на улицах, но и в трудовых коллективах, учреждениях. Они — на страже социальной справедливости.

Конечно, не все дела политического крыла «неформалов» выглядят красиво и благородно. По характеру деятельности их можно подразделить по крайней мере на три группы: общественно полезные, социально нейтральные, асоциальные. Приведу выдержку из статьи В. Пономарева: «Новодворское вече...», опубликованной в «Собеседнике» (1987. № 40). Он, в частности, пишет: «Правоохранительными органами в последние годы на стадии зарождения выявлено немало нелегальных националистических группирований...

Одна из групп мечтала об отрыве Украины от СССР, поддерживала нелегальную связь с зарубежными националистическими центрами украинской эмиграции через приехавших эмиссаров, имела “фонд”, измерявшийся десятками тысяч рублей за счет поступлений из-за границы. Вот цель, которую ставили перед группой зарубежные “суфлеры”: “Надо готовить мысли людей к таким событиям, что, когда возникнет ситуация, которая обеспечит возможность радикальных изменений, эти люди могли бы принять активное участие в вооруженной борьбе».

Другая националистическая группа раскидывала листовки, учиняла провокационные надписи в общественных местах, готовила дымовые шашки к срыву торжественных юбилейных мероприятий, взрывы в местах демонстраций, вывод из строя республиканского телецентра.

Третья группа националистов оскверняла памятники, изготавливала листовки, готовила в глубокой конспирации террористические и диверсионные акции, подбирала «кадры» из уголовников, создавала ячейки.

Вспомним **взрыв в метро с человеческими жертвами**, устроенный в Москве приговоренным затем к исключительной мере наказания Затикяном.

А группа, толкавшая молодежь к экстремистским выходкам и к срыву советско-американской встречи в Юрмале?

А группа лиц еврейской национальности, под видом обучения ивриту проповедовавшая одну из форм расизма — **сионизм**, разжигавшая националистическую вражду и ненависть?

В-третьих, можно говорить о новом качестве организации таких групп. Многие из них тяготеют к объединению в рамках как отдельных городов, так и регионов,

а некоторые — страны в целом. В 1986 г. прошло около 80 различных региональных, республиканских и всесоюзных слетов, съездов, фестивалей, выставок вне официальных структур. (И это только те, что стали нам известны.) Сейчас наблюдается стремление таких групп и объединений к легализации и официальной регистрации. Показательно, что до 70% объединений имеют связи с подобными себе группами в других городах страны.

Исследование в Баку (1987 г.) показало, что 40% молодежных групп и объединений поддерживают связи с себе подобными. Примерно четвертая их часть имеет свои «уставы», правила, обязательные для всех членов, а также общепризнанных лидеров.

В-четвертых, никогда раньше принадлежность к своей группе не подчиняла с такой силой молодых людей правилам и нормам, принятым в этих группах, как сейчас. Новое качество движения стихийно возникающих групп и объединений, их влияние на сознание и поведение молодежи заключается и в том, что оно во многом является отражением нарастающего отчуждения части молодых людей от традиционных институтов социализации, снижения влияния семьи, школы, других учебных заведений на сознание и поведение подростков, юношей и девушек. Не имея достаточных возможностей реализовать некоторые свои потребности, интересы и запросы из области общения, досуга, духовной деятельности посредством существующих форм, молодые люди ищут пути самореализации через организацию соответствующих групп, объединений и компаний.

В-пятых, расширение возрастного диапазона участников неформального движения. Нижняя возрастная граница — 12–13 лет, верхняя увеличилась до 34–35 лет и более. Мне довелось видеть несколько любопытных фильмов, снятых как бы в подражание фильму «Легко ли быть молодым?», только о взрослых «неформалах». Там такое же море проблем, что и у молодежи, те же причины, зовущие к неформальному объединению: потребность в общении, эмоциональной компенсации, самореализации и т. п.

В-шестых, расширилась география возникновения неформальных групп. Они появляются не только в крупных, но и в небольших городах, не только в городах, но и в сельской местности становится модным, престижным быть участником какой-нибудь группировки.

Таким образом, мы должны переоткрыть для себя феномен малых — как формальных, так и неформальных — групп как элемента общества, обращение к которому поможет ускоренно оздоровить общественные отношения. Для этого сложившуюся стихийно структуру межличностных отношений надо не ломать, как это пытаются кое-где делать, а сохранять, пестовать, а где надо — оздоравливать.

От взгляда на общество, построенное в основном на дихотомии «человек — общество», «личность — коллектив», мы должны перейти к выработке более многозначного и сложного подхода к его пониманию на основе квартохонии «индивид — группа — коллектив — общество». Реальность сегодня такова, что человек **одновременно** принадлежит малой группе, которую он выбирает по своему усмотрению; трудовому коллективу, где он работает не только по желанию, но и по необходимости; обществу, которое он не выбирает, как дети не выбирают себе родителей. Задача состоит в том, чтобы обеспечить их правильное соотношение, разумные связи, оптимальное взаимодействие. Ибо только в этом случае возможна идентификация индивида с группой, группы с коллективом и обществом. Ибо

только так, как солдат в бою защищает себя, своих друзей и народ, так каждый из нас может связать свою жизненную судьбу с делами окружающих людей и судьбой отечества.

Между тем здесь много неясного.

Неясно, например, как взаимосвязаны такие переменные, как величина группы, личности ее лидера и членов группы? Что такое эффект стиля лидера? Как изменяется группа от зарождения до распада и что служит главным фактором ее разрушения? Как связана сплоченность группы и степень давления, которое она оказывает, чтобы добиться конформности групповым нормам? Почему одни группы существуют долго, а другие быстро распадаются? Чего больше «производит» группа — конформизма или демократичности? Каковы законы сотрудничества и соперничества в малых группах?

Мы должны усилить изучение малых, в том числе неформальных, групп, по крайней мере, в силу двух причин.

Во-первых, из чисто практических, прагматических соображений: нужно знать, что творится в этом особом мире, каковы там новые тенденции и явления, чтобы управлять процессами, а не плестись в хвосте событий, как это было прежде.

Во-вторых, малые социальные группы сегодня, вероятно, уже можно и нужно рассматривать как особый случай функционирования и развития систем более общего типа. Они не просто микросистемы. Они — общество в миниатюре.

В этом смысле малые, неформальные группы гораздо более доступны и удобны для непосредственного изучения, нежели все общество; группа — это «осколок общества в пробирке», это капля, по которой можно судить о составе воды в океане. Разумеется, это один из дополнительных подходов к исследованию современного общества. Но какой это новый, богатый источник для умозаключений о нем! Появляется возможность путем тщательного анализа микросистем и микрокосма строить глобальные теоретические модели, делать выводы, влекущие за собой принятие принципиальных для жизни общества политических решений.

Многое, очень многое еще не ясно в развитии неформального движения как в теории, так и на практике.

В ЧЕМ ПРИЧИНЫ РОСТА ЧИСЛЕННОСТИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУПП?

Этим вопросом задаются многие. В. Жуков — инициатор дискуссии и автор статьи «“Гомо-Номо” ждет внимания» рассматривает рост числа «неформалов» как реакцию на «недостатки в работе с молодежью», «дефицит живой, индивидуальной воспитательной работы» (Жуков, 1991). Т. Шешокин (Молодой коммунист. 1987. №5) видит проблему в том, что «не дошли до каждого», а выход — «в усилении влияния и воспитания в сфере свободного времени молодежи».

«Нам бы вовремя заметить этот поворот, успеть направить его в правильное русло», — пишет В. Жуков. Меня здесь настораживают два слова: «направить» и «правильное русло».

Мы так долго пытались всем управлять, все направлять, причем делали это сплошь и рядом так неумело, что возникает естественный вопрос: а надо ли это делать столь рьяно, везде и всюду?! Надо ли через поголовное управление подавлять самоуправление, с помощью тотальной организации уничтожать самоорганизацию, деятельность по замыслу из «центра» противопоставлять самодеятельности?

В конечном счете, любое массовое движение не может быть полностью сознательным, элемент и момент стихийности в нем неизбежны, я бы сказал, необходимы: общество всегда осуществляет самокоррекцию, саморазвитие. Представим себе, если бы все, что задумывали наши правители, многие действия которых мы теперь задним числом осуждаем и отвергаем, да осуществилось полностью? Вот было бы чудовищно!..

Как страдаем мы все-таки одномерностью, линейностью нашего мышления! Как заморожены мечтой найти то чудо-лекарство от всех болезней, то «главный закон социализма», то универсальный экономический показатель, то всеобщий и безусловный метод педагогики!.. «Недоработали», «недовоспитали»? Так надо «поднажать», «усилить», «поднять работу на должный уровень» — и все, задача решена.

Отрицать причины, о которых говорят упомянутые мною и другие авторы, было бы глупо. Любое сложное социальное явление многопричинно. И потому эти причины можно перечислять до бесконечности, так и не заканчивая счет, не доходя до точки, до удовлетворяющего нас общего ответа. А он должен быть.

И кроется он в причинах общих, т. е. более глубоких, существенных, объективных. «Недоглядели», «недовлияли», «недовоспитали», «недоработали» и т. п. — это все-таки из области субъективного, это невольное стремление к упрощению ситуации.

Не будем сбрасывать со счетов роль «усилия», «влияния». Может, в чем-то надо и в самом деле «усилить», а может, наоборот, ослабить? Во всяком случае, усилие, количество труда сегодня не главное. Главное — качество, выбор путей, средств и форм усилия, работы, влияния, а отсюда и их результативность.

Ведь есть очень много молодых людей, которые вовсе не хотят, чтобы их «охватывали», на них «влияли», а иногда и помощи никакой не ждут. Они хотят действовать сами. Само-действовать. Они бегут от всякой опеки. Даже самой ненавязчивой. Ну почему не хотим мы этого понять? Ни-ка-кой опеки. И только — са-модетельность. Люди сами хотят творить свою собственную жизнь по своему замыслу. И отвечать за себя сами, полагая, что это естественно.

Вот что пишет, например, в том же «Молодом коммунисте» Е. Барышников — автор материала «Куда и почему зовут “труба”?»: «Хватит быть серенькими, равнодушно ждать, что тебе все принесут на блюдечке с голубой каемочкой» (Молодой коммунист, 1987). А приносят пошлые концерты, устаревших массовиков-затейников, бег в мешках и прочую дикость. Прошли (или проходят) времена, когда мы хотим лишь наблюдать. Наступает время «действовать». И я ним полностью согласен.

Люди «устали» от тех форм организации, которые им предлагали многие десятилетия. Ведь что представляет собой, скажем, комсомол как «слепок» (и не самый худший) нашей политической системы? По замыслу, в теории — это форма (организация) демократичная, «мягкая». Но на практике — весьма жесткая, централистская, бюрократичная, злая. Обязанности Устава ВЛКСМ очерчивают четкие рамки социального пространства, в которых комсомолец должен делать «то-то» и должен «то-то», иначе... Далее следуют строгие санкции. И это совсем иное дело, что многие комсомольцы, едва вступив в союз, забывают об этих «то-то», живут жизнью, связанной с комсомолом из соображений более прагматических, чем романтических, идейных; чисто символически — через уплату взносов, механическое присутствие на собраниях и т. п.

Речь о том, что еще недавно стремление к многообразию (точек зрения, форм поведения и целей деятельности) в комсомоле (как и в обществе в целом), мягко говоря, не приветствовалось. Более того, за высказывание тех или иных взглядов, отличных от «официальных», за поступки, отличающиеся от общепринятых норм поведения, следовали наказания. При этом «шаг влево или шаг вправо» от этой общей линии рассматривался как «побег», человек получал наказание по максимуму. И все это мотивировалось необходимостью борьбы за «идейное и организационное единство рядов ВАКСМ».

Единство многообразия мира, «молодое» мышление ухватить, как правило, не может. Так в сознание молодого человека входит понимание единства как чего-то нерасчлененного, неподвижного, монолитного, «железного». Так вначале «теоретические» основы застоя возникают в мыслях, а затем — и в действительности.

Сам факт возникновения неформальных групп, особенно их бурный рост, «сбоку» от или «внутри» формальной структуры, на мой взгляд, сигнализируют о том, что в этой структуре существуют серьезные проблемы, противоречия, значительный недостаток в удовлетворении **интересов и запросов** людей, и эти новые образования восполняют, компенсируют его. Неформальные объединения — это реакция на несовершенство существующей системы общественных отношений вообще, в молодежной среде и в комсомоле в частности; это естественный, стихийный компенсатор социальных и организационных издержек; это типичный факт самоорганизации, самостоятельности, самоуправления людей; это спонтанный выброс энергии масс, которая не нашла достаточной реализации в существующей системе общественных отношений. Это способ самосохранения, саморазвития общества, поиска новых, более прогрессивных форм организации общественной жизни, более полно отвечающих уровню культурного развития масс.

Важная причина роста этих групп заключается, по-моему, и в попытке реализации молодежью тех относительно **новых потребностей** и интересов, удовлетворение которых осуществляется плохо или не осуществляется совсем государственно-общественными структурами.

Рост самостоятельных объединений вызван также стремлением преодолеть возникшие в нашем обществе механизмы вытеснения молодежи **на периферию общественных отношений**, в частности в сферу досуга. Молодым людям в 70-х — начале 80-х гг. все труднее становилось достичь успеха в должностном, служебном, профессиональном продвижении, обеспечить материально семью, получить жилье и т. д. В этих условиях самостоятельные объединения стали формой компенсации жизненных «неудач», тем социальным пространством, в котором молодые люди получили возможность самоутверждения, социального признания (или в отдельных случаях хотя бы рекламы, скандального успеха) собственными усилиями, не регламентированными «сверху».

Не стоит сбрасывать со счетов и такую причину распространения самостоятельных объединений, как негативное влияние различных **бюрократических извращений** в работе с молодежью, в том числе формализм, заорганизованность и начетничество в деятельности комсомольских организаций. Стремление проявить самостоятельность, избавиться от навязчивой регламентации и мелочной опеки, доведенное до крайних проявлений, несло и несет с собой пафос отрицания существующих форм общественной жизни.

И конечно же, нерешенность многих **социальных проблем**, в частности в сфере досуга. Повсюду и нередко можно наблюдать одну и ту же картину: рядом с Дворцом культуры или клубом собирается компания подростков, пытается в него проникнуть, но их туда не пускают. Группа идет в парк, поет песни под гитару. Ее разгоняют. Группа идет куда-нибудь: в подворотню, в подвал, к кому-нибудь на квартиру. Основа для объединения найдена: «они» (взрослые, милиция, родители) отталкивают, «мы» им должны доказать... Что доказать? Это вопрос другой.

Рост численности неформальных групп означает, в частности, что увеличивается, образно говоря, объем «биомассы», направленность движения (деятельности) которой зависит от многих обстоятельств, порой от «капли» стимулятора, от одной искры извне. Чья это «капля», чья «искра» будет?..

Конечно, сказывается одна из сильнейших потребностей юношеского возраста — острая **нужда в общении**. Там, где эта нужда не удовлетворяется семьей, школой, короче — обществом, там возникает чувство одиночества, невыносимое для формирующейся души. Именно одиночество, тяга к самоорганизации и общению и гонят юношу в объятия пресловутой улицы, двора, лестницы, подвала. Или — в объятия религии, обещающей страждущему сочувствие, соучастие, помощь в несчастье и преодолении тягот повседневной жизни. Таков социально-психологический аспект проблемы. И это часть ответа на вопрос «почему?». Ибо проблема юношеского общения и одиночества — из разряда «вечных». Но потребность в неформальном, скрытом общении, сочувствии, сопереживании сегодня особо велика.

Долго копившиеся в обществе ложь, страх, беззаконие, пренебрежение духовными основами жизни, иллюзии, будто материальное благополучие и рационализм научного знания, технократизм удовлетворят все запросы человека, привели к естественному нарастанию в людях чувства ненужности, потерянности, разочарования, бесперспективности, апатии, неудовлетворенности жизнью. Как и всегда в таких случаях, человек начинает искать способы искусственной компенсации своей «неполноценности», иллюзорного возвышения своих возможностей. Это пьянство и наркомания. Это уход в религию. Или в себя, в свой внутренний мир. Или — бег к другим, на тебя похожим, тебе близким людям... Люди ищут внутреннюю опору, поддержку извне. Под разным «философским» соусом, но они находят их в малой, неформальной группе.

Наконец (а может, это главное?), **особенности молодежного сознания**, зарождение особой «молодежной» философии, концепции жизни, основанные на разочарованиях в связи со вступлением во взрослую жизнь, где путь совсем не усыпан розами, где молодым открыты далеко не все дороги.

Вот пример. Литовская рок-группа «Антиз» «запустила» такую песенку: «Не для тебя, Мартин, чистое небо, не для тебя розами устланная дорога. Опять тебе придется идти домой одному. Найди себе, Мартин, девушку попроще». Эти слова — увы! — отражают явления массового сознания молодых.

В самом деле, мы ищем одну-единственную причину, объясняющую тягу отдельного человека в группу, и появление множества групп с разным лицом, называем их: интерес, стремление к общению, самореализации и т. п. И мы правы, пока ведем абстрактный разговор о «неформалах» вообще.

Но даже при едином значении и одной официальной идеологии в нашем обществе, даже в сознании взрослых людей мы наблюдаем невероятную пестроту. И это

естественно. Ибо одни и те же звенья, элементы идеологии каждым конкретным человеком в контексте его **личной жизни** читаются и понимаются по-разному, приобретают разное значение, а значит, и единая, кажется, научно обоснованная идеология приобретает для него **личный смысл**.

Что же мы хотим от еще «ничейного» подростка? Или от юноши, пока еще не затрудняющего себя вопросом о смысле жизни или размышлявшего об этой сложнейшей материи не слишком умело? Нельзя стричь мысль всех людей под одну гребенку, нельзя найти для всех общий знаменатель. И один мотив действий.

Житейская философия рокеров сводится к поиску острых ощущений. Их круг: «мотор, спорт, девушки».

Житейская философия люберов — крепкие (самые крепкие) мышцы и — «бей хиппарей!».

Житейская философия хиппи — не действие, не насилие, любовь, братство.

Житейская философия панков — «Долой идеалы!», «Долой серость будней!», «Мы — плохие, но мы — лучше других!».

Житейская философия хайлафистов — «шикарная жизнь», вино — «люкс», сигареты — «люкс», одежда — «люкс», девочки — «люкс». «Деньги и вещи — мои рабы, но я работать ради них не буду никогда».

КАК ЖЕ ОТНОСИТЬСЯ К «НЕФОРМАЛАМ»?

Стратегия и тактика отношений государственных, партийных и комсомольских органов к другим молодежным организациям, неформальным объединениям и группам может иметь несколько вариантов.

Либеральный подход, т. е., по сути дела, бездействие в отношении к возникающим объединениям и группам. Именно таковым является отношение к «неформалам» органов власти и общественного мнения в развитых капиталистических странах.

Власти вмешиваются в жизнь «неформалов» лишь в тот момент, когда они нарушают закон, сталкиваются с полицией. Такие поводы бывали в Западной Европе и Америке не раз.

Такое отношение к различного рода спонтанно возникающим группам имеет по крайней мере двойное объяснение. Прежде всего, такова норма жизни свободного, демократического общества, в котором право каждого жить так, как хочешь, и делать то, что хочешь. Но есть в этом (со стороны властей) и некий прагматический расчет. Внешняя агрессивность, экстремизм части молодежи, ее потребительское отношение к жизни, выступления, демонстрации, скандалы, протесты позволяют властям отвлечь внимание общества от его общих проблем молодежи. А их и в этих странах довольно. Полное непротиводействие «неформалам» позволяет сохранить основной источник их распространения — ущемленность интересов, несправие и т. п., они становятся «необходимым» элементом общественной жизни. При таком подходе процесс развития неформального движения носит исключительно стихийный характер.

Не думаю, что такой подход приемлем у нас по всем основаниям. Не будем вновь говорить о политических «выкрутасах» иных лидеров групп. Возьмем нравственную сторону. Многие хиппи, представители сект нетрадиционной религиозности, некоторых других групп — откровенные попрошайки, употребляют наркотики, сексуально распущены. Серьезные негативные явления присущи и деятель-

ности некоторых групп любителей «металлической» рок-музыки, спортивных фанатов, поклонников знаменитых артистов, мотоциклистов-рокеров, хайлафистов, панков, юношей и девушек, стремящихся к наживе, — «театральные фирмачи», фарцовщики, «мажоры», проститутки, разного рода «борцы со злом», использующие грубую физическую силу, дворовые команды, некоторые из которых превратились в преступные группы.

Тут вмешательство властей необходимо, неизбежно. Но как не допустить того, чтобы не смешать «кислое» с «пресным», борясь с «сорняками», не вытоптать «траву» и «цветы»? Непростая задача.

Административно-репрессивный подход основан на **преувеличении негативных** сторон неформальных групп, в результате чего рождается стремление «не допустить», «запретить», «пресечь» это движение. В итоге действительное количество этих групп не сокращается, хотя видимость этого существует из-за того, что они попросту уходят в «подполье», а с этим — из зоны непосредственного контроля. Такой подход был характерен для нашего общества как в далеком, так и в недавнем прошлом.

Нет, что касается групп «легкой кавалерии», кружков изобретателей и рационализаторов, «групп здорового досуга» и т. п., они изучались историками, ибо такого рода объединения были интегрированы в комсомол, по сути дела, были формами его работы с молодежью. Я же говорю о тех группах и объединениях, которые **возникали** спонтанно, а не создавались комсомольскими комитетами, которые порой запрещались государственными органами.

Пожалуй, самым убедительным примером, поскольку он в деталях описан самим участником событий, человеком авторитетным и честным, может служить рассказ поэта Анатолия Жигулина «Черные камни» о трагической истории возникновения и уничтожения своего рода «неформальной» группы молодежи, созданной в Воронеже в 1947 г. учениками 9-го класса мужской средней школы и названной «Коммунистической партией молодежи» (Знамя. 1988). Многие члены этой организации, которая выступала против «обожествления» Сталина, конечной целью ставила «построение коммунистического общества во всем мире», были арестованы, многие — расстреляны или погибли в лагерях. Этот случай показывает общественную атмосферу, в которой жили люди, молодежь, и то, какие шансы были у них на создание каких-нибудь объединений вне рамок официальных политических структур, на право иметь «иное» мнение, «иной» взгляд, отличающийся от официальных мнений и взглядов. Думаю, что исследователей истории периода культа личности в этом смысле вряд ли ждет много находок самостоятельных форм жизни молодежи, кроме как в сфере культуры, спорта, техники. Тотальный контроль за душами и умами загонял любой нестандартный интерес, нетривиальную мысль глубоко внутрь человека, заставлял таиться от самого себя, тем более от других.

Но вот конец пятидесятых — самое начало шестидесятых... В городах, а потом и в крупных селах появилось много молодых людей, одетых совершенно не так, как все.

Предельно узкие и укороченные брюки, яркие носки, туфли на толстой «микропоре», цветастая рубашка, широкий крикливый галстук, клетчатый широкополый пиджак — вот типичная одежда парня-стиляги. Плюс длинные волосы, баки (бакенбарды), а то и борода. Прическа «под мальчика», предельно короткая юбка,

с разрезом до пупа кофточка, туфли на огромной шпильке, нарисованное лицо, аж краска с ресниц сыплется, сигарета во рту — вот типичный портрет девушки-стиляжки тех лет. Все вместе — отчаянно танцуют рок-н-ролл, твист, держатся особняком, вызывая, пренебрежительно, говорят на «своем» языке, в котором много исковерканных английских слов... Одним словом, «не наши».

Стиляга — это тунеядец, поклонник Запада, раб модных тряпок, фарцовщик, прожигатель жизни. Такое устойчивое мнение властвовало тогда умами абсолютного большинства людей, думаю, едва ли не всех комсомольских работников. По танцплощадкам «барражировали» оперативники. Чуть «разрокэндроллился» — под руки и с танцплощадки долой. Задрался — распорют брюки. Будешь сопротивляться — поддадут. И милиция не защитит. А то, что среди этих стилиг тунеядцев и фарцовщиков было совсем немного, что «стилем» увлекались совсем, как говорится, нормальные люди, как-то не замечалось. Эти люди тоже относились в разряд низко «павших»...

Если б это все стало только историей! Такой же репрессивный подход ко всему необычному в молодежной среде свойственен многим партийным государственным и комсомольским органам и сегодня. Пресса буквально пестрит сообщениями: «забрали», «избили», «закрыли», «запретили».

Несколько лет назад Мосгорисполком принял специальное постановление: на стадионах запрещалось кричать, болельщикам собираться на улицах и т. п. Текст постановления был записан на пленку и озвучивался перед началом каждого матча. Результат: приводы многих тысяч молодых болельщиков (фанатов) в милицию. Вот что писал лидер спартаковских фанатов: «Многие думают, что все устремления фанатов сводятся к тому, чтобы устроить беспорядки, что-нибудь разрушить, что-то побить. Нет, поверьте, когда мы уходим со стадиона, у нас нет никаких совершенно планов. Нам некуда идти, до нас нет никому дела (кроме милиции), и остается один выход — демонстрация. Мы идем и кричим наш громкий лозунг: “Когда мы едины — мы непобедимы!”».

Вопреки широко распространенному мнению, будто «неформалы» — сплошь нарушители и аморальщики, деятельность абсолютного большинства самостоятельных объединений осуществляется в рамках правовых и моральных норм. Лишь для 9% таких групп характерны асоциальные проявления.

Вот одно интервью, которое приводилось в прессе тех лет. Ветеран труда, пенсионерка Анна Сергеевна Потапова: «Этих волосатиков надо гнать поганой метлой. Чтобы в Москве, в самом центре, такое безобразие!.. Милицией я недовольна. Закрывают глаза. А гнать надо, метлой. Грязные, оборванные, бездельники... Мы это так не оставим! После того, как их потрепали немножко, они хоть чуть-чуть поутихли, меньше их здесь стало. А теперь опять, как раньше. Вы знаете, мы будем бороться!»

Вот выдержки из той же статьи, где описано, как милиция в этот вечер боролась с неформалами.

«Справка. Городская клиническая больница №67. Дана Паковичу Ф. Б. в том, что он находился на излечении в хирургическом отделении больницы с 04.05 по 08.05. Диагноз: ушиб живота. Больной находится в отделении под наблюдением. Острые явления сняты. Состояние удовлетворительное. Выписан для амбулаторного лечения. Подпись».

Из письма в редакцию:

«Пострадала девушка из Ленинграда, Юля Риманова. После того, как ее держали “положенных” три часа и отпустили, во дворе отделения к ней придрался кто-то из милиционеров. Ей сломали нос». Можно было бы привести примеры почище этих — из Казани, Горького, Красноярска...

И дело не в том, что где-то власти плохие, что милиция подраспустилась. Это само собой. А если же говорить опять-таки о причинах общих, то прежде всего надо говорить о **нетерпимости**. Вот уж «товар», в котором у нас дефицита нет, наоборот, избыток. Ветеранов и пенсионеров вроде Анны Сергеевны Потаповой, которые всю свою оставшуюся жизнь готовы положить на то, чтобы «бороться с...» (с чем? Да со всем, что непонятно, необычно, непривычно), — пруд пруди.

Мы так привыкли бороться то с действительными, классовыми врагами, то с мнимыми «врагами народа», то с пережитками прошлого, то с проникновением буржуазной идеологии, то с оппозицией, то с диссидентами, то с национализмом, то с разбушевавшимся аппаратом (уж я не говорю о борьбе за успешную посевную и полный урожай, за план, за досрочный ввод и т. д. и т. п.), что мы так и живем в боевой стойке: «На кого нападать? Кого обвинять? С кем бороться? От кого отбиваться?».

История нашего общества такова, что его жизнь в немалой степени строилась на противодействии, противопоставлении, а не на союзе и братстве, требовала от человека способности ненавидеть, а не таланта любить. И не случайно. Когда-то, кому-то это было нужно. И мы знаем, когда и кому. Нетерпимость, ненависть — необходимый момент политики, основанной на принципе «разделяй и властвуй».

Ненависть тоже сплачивает, причем быстрее, ибо обращена, в отличие от любви, не к высшим, а к низшим свойствам человеческой души, учит не приятию, а непониманию. Ненавидящий, нетерпимый человек ищет не причины, по которым случилась беда, возникла проблема, а их виновника. Нетерпимому сознанию нужен объект ненависти, на счет которого можно списать этот случай или беду. И когда объект этот вдруг исчезает, когда его нет, наше догматическое сознание ищет его, ищет упорно, всюду, куда проникает, во всем, что попадает в поле его зрения.

Чужой вкус, чужое мнение, чужой вид вызывают у нас гораздо меньше, казалось бы, естественного любопытства, гораздо больше настороженности. Новая выставка, новый фильм, спектакль, новая мода, музыка, танец — и нетерпимое мышление уже в «боевой стойке»: не убрать ли, не снять ли, не запретить ли на всякий случай? Мне не нравится — значит, плохо. Мне непонятно — значит, неправильно...

Именно на основе нетерпимости постоянно шла в нашей стране борьба то с вальсом, то с джазом, то с твистом, то с рок-н-роллом, то с брейком, то с длинными, то с короткими юбками; то с узкими, то с широкими брюками, то с «длинноволосыми», то с «бритоголовыми». Молодежь уже не раз становилась объектом нетерпимых нападков со стороны общества. Кажется, сейчас она опять в таком положении. Мало того, что среди молодых, оказывается (вот какая неожиданность!..), есть наркоманы и проститутки, так еще и эти «неформалы»... От одних названий — «металлист», «брейкер», «системщик», «поппер», «конфу» — дух замирает...

Но пока в обществе не утвердятся не только плюрализм мнений, но и «плюрализм» одежды, обуви, костюмов, причесок — одним словом, внешнего вида, «плюрализм» поведения, манер, поступков, пока **терпимость** ко всякому «другому» и «иному» не войдет в обычай и привычку, говорить о духовном обновлении рано.

Старшее поколение должно научиться слушать и слышать молодежь, метод наиданий и нотаций решительно заменить на метод убеждения, монолог — на диалог, окрик — на безусловное уважение, а уважение сочетать с любовью. Мы должны научиться любить своих детей и друзей своих детей, как любим мечту в будущем. Но при этом понять, что будущее — это не просто временное состояние. Будущее — это та жизнь, которую создадут наши дети, та жизнь, в которой мы будем в роли «уходящего поколения». И если мы хотим, чтобы эта будущая жизнь была комфортной, приятной, счастливой для нас, то мы должны позаботиться об этом сейчас же, немедленно. Ибо это будущее уже сегодня ходит по улицам в разноцветных шарфах, в джинсах фирмы «Леви» и кроссовках фирмы «Адидас», бренчит гитарами в подъездах, увлекается до дурости футболом и до ажиотажа — роком; ибо они и есть это самое будущее. Нравится вам это или нет, но будущее придет, и эти люди станут его хозяевами.

Я говорю о терпимости к молодежи не только во спасение будущего стариков, но и в заботе о самой молодежи, нравственно-психологическом здоровье всего общества. Мы горазды на «табу», на наказания, слепо верим, что они — лучшее средство в борьбе с пороками. Далеко не всегда! Потерь, если бы мы взяли однажды их подсчитывать, при таком подходе гораздо больше, чем приобретений.

Криминологи, например, свидетельствуют о том, что едва ли не все юноши и девушки, побывавшие в местах заключения до 18 лет за несущественные преступления, до конца жизни остаются людьми с деформированной психикой, нравами, ценностными установками. Положительный исход — исключение. В то же время такие же молодые люди с отклоняющимся поведением, по отношению к которым была проявлена терпимость, с годами, как правило, становятся нормальными, хорошими людьми.

Вероятно, большая терпимость к молодежи, особенно на первых порах, приведет к определенным издержкам. Но как разрушить паттерны пассивности и равнодушия части молодежи, если не дать простора ее действительной самостоятельности, которая должна их снести? Как сломать стену, отделяющую мораль, которую часть молодых людей исповедует на самом деле, от той морали, которую они на показ демонстрируют окружающим, если не дать большего простора действительным эмоциям, чувствам и мотивам деятельности, которые бушуют молодого человека? Как иначе, если не проявить терпимости, можно выявить действительные мысли и мнения молодых людей, которые они утаивают от родителей, учителей, друзей?

Ни либеральный, ни репрессивный подходы толку во взаимоотношениях с «неформалами» не дадут. Как и во всей нашей жизни, тут нужен взгляд на проблему, в основе которого лежит реализм.

Нужен **демократический подход**, означающий конструктивно-реалистический взгляд на положение дел и логику развития общества, правильное понимание причин возникновения, сущности и путей развития неформального движения. Надо понять и согласиться с тем, что существование таких групп в нашем, как и в любом, обществе естественно и необходимо; в общей массе эти группы имеют как позитивный (сегодня в нашей стране — в подавляющем большинстве случаев), так и негативный характер. Проблема — в соотношении положительного и отрицательного: положительные стороны движения должны поощряться, отрицатель-

ные — устраняться разумными способами. То есть процесс развития неформального движения молодежи, будучи спонтанным в своей основе, должен быть тем не менее **оптимально** управляемым. Такой подход повсеместно и должен быть утвержден в нашем обществе относительно развития вообще, касается ли это экономики, политики и т. д., как условие его демократизации, перехода в новое качество. В данном случае оптимализм должен демонстрировать комсомол, как скреп молодежного движения. Способствуя развитию этого движения в самых различных его формах, комсомол должен сохранять в нем роль влиятельной силы, не силой запрета и силового давления, а силой авторитета, убеждения, образцовости привлекать к себе молодежь, завоевывать ее доверие. Задача состоит в достижении оптимального соотношения между формальными и неформальными объединениями молодежи.

Оптимальный вариант — это такое состояние общественных отношений, когда «формальные» социальные структуры в главном и основном выражают и удовлетворяют основные интересы и потребности граждан, в том числе молодежи; когда «неформальные» объединения и группы компенсируют естественную «недоработку» формальных структур, влияние которых может и должно распространяться на **весь** спектр интересов личности и молодежи как социально-демографической группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аргументы и факты. 1988. № 31.
Жуков В. (1991) «Гомо-Номо» ждет внимания // Профессионально-техническое образование. № 2–3.
Знамя. 1988. № 7–8.
Коммунист. 1988. № 9.
Молодой коммунист. 1987. № 5.
Собеседник. 1987. № 40.

Дата поступления: 01.09.2025 г.

TRENDS OF INFORMAL YOUTH MOVEMENT

I. M. ILINSKY

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper is a republication of a part of a chapter of the book “Youth and Youth Policy” (M.: Golos, 2001) by prominent social philosopher, youth problems researcher, president of Moscow University for the Humanities I. M. Ilinsky. The paper analyses such a phenomenon of the late 1980s as the growth of informal youth groups in the USSR. The author studies its reasons, and reflects on what ideological approach to use when considering this phenomenon. I. M. Ilinsky’s position is the following: out of existing approaches (liberal, administrative-repressive and democratic) the largest potential in terms of positive social development is the democratic one, which is based on “flexible” methods of public processes management, therefore making it possible to reinforce the weak sides and to smoothen the negative sides of certain social phenomena. According to Ilinsky, this approach should be extended to other aspects of public life (economics, politics and social relations). The urgency of these ideas is undoubted under the conditions of new forms of unification and often — of excessive centralization of social life in modern Russia. As well as in connection with the special attention that is being paid today to the education (including patriotic) of young people.

Keywords: Russia; USSR; youth; civil society; informal groups

REFERENCES

- Argumenty i fakty. 1988. № 31.
Zhukov, V. (1991) «Gomo-Nomo» zhdet vnimaniia. *Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie*, no. 2–3.
Znamia. 1988. № 7–8.
Kommunist. 1988. № 9.
Molodoi kommunist. 1987. № 5.
Sobesednik. 1987. № 40.

Submission date: 01.09.2025.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, президент Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Ilinsky Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, President, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru